

Николай Добролюбов

Проблема общественного идеала

Николай Александрович Добролюбов

Проблема общественного идеала

В своем настоящем виде набросок обладает внутренней завершенностью и может рассматриваться как самостоятельное и целостное произведение. Каждый пункт здесь представляет собой не однозначное утверждение, как это принято в программах, а вопрос или комплекс вопросов. Цель автора – поставить проблему общественного идеала и привлечь внимание «мыслящих людей» к ее разработке. Добролюбов расчленяет проблему на составляющие и по каждой ее грани представляет возможные точки зрения, ни к одной из них не обнаруживая своего сочувствия. Широта охвата общественных явлений в наброске свидетельствует о системности взглядов критика на общество, стремлении к глобальному изменению социальных отношений.

Содержание

#1	0005
Примечания	0012

**Николай Александрович
Добролюбов
<Проблема общественного
идеала>**

Не к моделям парикмахеров, не к вывескам модных портных, не к ходячим автоматам, а к тем, в ком есть хоть искра священного пламени любви и свободы, кто сознал в себе хоть зачатки благородных стремлений, к живым людям обращается наше слово. Пора наконец раздаться этому слову, пора нам решительно, открыто и ясно постановить перед собою вопрос о том, чего мы хотим, чем должны руководиться, что нас ожидает и что должны мы делать для достижения своей цели. Рассмотрим дело спокойно, без страха, без пустого тщеславия, не преувеличивая своих надежд, не уменьшая своих сил, не предаваясь ни ребяческому восторгу, ни рабскому унынию.

Чего мы хотим? Пусть каждый из тех, которые считают себя людьми мыслящими, людьми с убеждением и сознательными стремлениями, пусть каждый из них задаст себе этот вопрос и серьезно потрудится над его разрешением. Дело стоит того, чтобы заняться им, потому что без сознания цели невозможно избрать правильного пути к ней и верных средств к ее достижению. Правда,

русскому, томящемся в пытке незаконного рабства, цель, по-видимому, ясна: свобода... Но дали ли вы себе труд подумать, что же такое свобода? Тысячи мнений существуют на этот счет, и нужно определить, какого именно держаться. Одни свободою считают право делать все, что только придет в голову, без всякого отчета и закона, другие же понимают под свободою добровольное подчинение своих стремлений воле божией. Между этими полюсами вертится множество больших и малых кругов, сообщающих убеждениям большую или меньшую теплоту и ясность. Для одних свобода – право не давать никому отчета в своих поступках, для других – возможность пользоваться правами личности, для третьих – удобство говорить безнаказанно грубости всем и каждому, для четвертых – дозволение ходить без веревки на шее, для пятых – безопасность от телесного наказания, для шестых – вольность говорить и писать что вздумается, для седьмых – удовольствие не принимать ничьих мнений, навязывая всем свои собственные, для восьмых – покойное сосредоточение в себе, с отречением от участия во

всех чужих делах, для девярых... Но, повторяем, мнений этих тысячи. В чем же вы, русские ревнители свободы, полагаете цель наших стремлений? В каком смысле вы хотите быть свободными? Конституция ли вам нужна, или может и монархизм оставаться? Или вы желаете республики? Так – какой же? Огромной ли, вроде римской, чтобы вся Россия составляла одно целое? Или маленькой, разделенной по областям и городам, – вроде мелких греческих государств или Соединенных Штатов? Будет ли вам аристократическое правление выгоднее, или демократия лучше успокоит вас? Или изберете вы какого-нибудь президента или диктатора для высшего надзора за управлением? Далее – хотите ли вы уравниения всех сословий, или общественная лестница останется в прежнем положении? Или вы только ищете уничтожения крепостного права? Тогда как вы намерены поступить с крестьянами? Сравнять ли помещичьих с государственными, или всех приписать к мещанам, или произвести их в вольные фермеры? Какие средства для жизни дадите вы им? Землю? По каким началам вы ее

разделите? Фабрики? Какие вы имеете средства их устроить, кто будет антрепренером, кто работником, и по какому праву? Каково будет распределение труда, надзора, распорядительности во всем предприятии? Что вы дадите и самим помещикам взамен отнятых богатств, т. е. рабов их? Какое место назначите вы им в народе? Сравняете со всеми или отличите тоже чем-нибудь? Куда опять денете вы многочисленный класс чиновников? Оставьте ли их, чтобы вести по-прежнему длинные переписки по делам, или будете решать дела в городских сходках и все палаты, суды и департаменты со всем содержащимся в них совершенно уничтожите? Будет ли ваша новая республика государство земледельческое или торговое, промышленное? Будут ли все равно пользоваться всеми общественными удобствами, будет ли святое братство царить между людьми, всеми без исключения? Или, напротив, общество ваше будет состоять из избранных, лучших, достойнейших, — и из него будут изгнаны все негодяи, злодеи, тунеядцы? Тогда — надеетесь ли вы, что хороших будет больше, чем худых? А если

еще окажутся и между избранными негодные, что с ними делать? Содержать тунеядцев на общий счет будет ли справедливо? Наказать их и бросить без помощи будет ли согласно с правилами человеколюбия? В мнениях дана ли будет полная воля каждому высказывать свое мнение и оставаться при нем, или признаваемо будет решение большинства? В воспитании можно ли предлагать мнения и давать направления ребенку или только представлять факты? Преступления, необходимые всегда в человечестве, как будете вы судить? Всеобщее ли примирение и прощение покроет их, или штраф наложится на преступника, или тюрьма лишит его возможности вредить обществу, или казнь прекратит дни его? Да и какие деяния назовете вы преступными, какие – похвальными, какие – подлыми, какие – благородными? Примете ли вы, например, меры для сохранения неприкосновенности браков или, удовлетворяя началам материального коммунизма, предоставите каждому следовать беспрепятственно склонности своего сердца? Найдут ли у вас покровительство влечения телесной

природы, или вы позволите только духовные наслаждения? Глазами негодования и презрения или любви и сострадания будете вы смотреть на женщин, сделавшихся общим достоянием? Будет ли у вас семейный долг высоким достоинством, или он должен будет умолкать пред долгом гражданина?.. Наконец, в деле религии – оставите ли вы всей массе народа религию церкви, или решитесь раскрыть ему вновь евангельскую религию Христа, или переделаете эту религию сообразно с новыми началами, или положите новую доктрину в основание вашей республики, или, наконец, оставите народ совсем без религии? Что вы считаете лучшим и удобнейшим для него и для себя? Подумайте и дайте себе полный отчет в своих требованиях, составьте себе верную и живую картину идеальной республики, к которой вы стремитесь, всмотритесь в нее, сообразите все обстоятельства, которые могут произойти при том, и скажите, будете ли вы вполне довольны тем идеальным устройством, которое образуете в голове вашей. Если найдете такое устройство, объясните нам его, и мы будем знать, чего нам хотеть,

к чему стремиться.

Примечания

Впервые – *Совр.*, 1911, № 11, с. 259–261, с искажениями. На рукописи пометка Н. Г. Чернышевского: «Начало (не предназначенной для печати) статьи о том, что люди, желающие свободы, должны разъяснить себе, какого именно устройства общества они хотят. Институт 1856?» На чем основаны утверждение Чернышевского, что рукопись не закончена, и предположительная датировка, – неизвестно. В своем настоящем виде набросок обладает внутренней завершенностью и может рассматриваться как самостоятельное и целостное произведение.

Автограф не озаглавлен. Условное название, данное в девятитомнике, – «Проект социально-политической программы» – не соответствует содержанию наброска, так как он не включает в себе изложения социально-политических идеалов Добролюбова. Каждый пункт здесь представляет собой не однозначное утверждение, как это принято в программах, а вопрос или комплекс вопросов. Цель автора – поставить проблему обще-

ственного идеала и привлечь внимание «мыслящих людей» к ее разработке. Отсюда и предлагаемое название. Добролюбов расчленяет проблему на составляющие и по каждой ее грани представляет возможные точки зрения, ни к одной из них не обнаруживая своего сочувствия. Широта охвата общественных явлений в наброске свидетельствует о системности взглядов критика на общество, стремлении к глобальному изменению социальных отношений. Вместе с тем представление об общественном идеале как о некоем «изобретении» «мыслящих людей», никак не связанном с историческим движением общества, обнаруживает во взглядах автора элементы утопизма.